

УДК 811.161.1'375(045)

**МЕТОНИМИЯ КАК ВИД
ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОГО СПОСОБА ДЕРИВАЦИИ
В СФЕРЕ ИМЁН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ
В РУССКИХ ГОВОРАХ УДМУРТИИ**

Е.А. Жданова

Аннотация

В статье представлен анализ зафиксированных в русских говорах Удмуртии случаев субстантивного лексико-семантического словообразования, основанных на метонимии. Выявляются тенденции, свойственные данному виду диалектного словообразования, описываются словообразовательные типы, представленные в говорах, определяются особенности функционирования в диалектном языке семантических дериватов, появившихся в результате ассоциации по смежности.

Ключевые слова: семантическая деривация, метонимия, имя существительное, ассоциация по смежности, словообразовательный тип, диалектный язык.

Термином *метонимия* обычно обозначается «употребление названия одного предмета вместо названия другого предмета на основе внешней или внутренней связи между ними» [1, с. 177]. Под «связью предметов», которой характеризуется метонимия, понимают широкий круг отношений, куда входит смежность во времени и пространстве или вовлеченность в одну ситуацию [2, с. 156]. Но если учитывать, что «смена денотата есть момент появления нового слова, то есть словообразование» [3, с. 35], то метонимию можно определить как проявление лексико-семантической разновидности семантической деривации, основанное на смежности денотатов производящего и производного слов.

В настоящей работе семантическая деривация (семантический способ словообразования) рассматривается с позиции, обозначенной профессором В.М. Марковым и поддержанной его учениками и коллегами, учеными Казанской историко-лингвистической школы: «Появление нового значения – это появление нового слова, осуществленное в результате единичного словообразовательного акта» [4, с. 15]. Лексико-семантическая разновидность семантической деривации представляет собой «образование слов на основе развития семантики одного слова» [3, с. 29], в отличие от таких разновидностей, как морфолого-синтаксическая, лексико-синтаксическая и семантическое включение.

Образование имен существительных семантическим способом в его лексико-семантической разновидности на основании смежности объектов, названных производящим и производным словами, является одним из основных проявлений семантической деривации в русских говорах Удмуртии. При этом диалектная

метонимия является достаточно типизированной, что выражается в наличии в русских говорах Удмуртии метонимических словообразовательных типов, объединяющих семантически производные имена существительные.

1. Материал → изделие. Данный словообразовательный тип представлен в русских говорах Удмуртии следующими группами семантических дериватов.

А. Наименования изделий по названию ткани, из которой они сшиты: *вазола* ‘домотканый ковёр, покрывало’ (*Солому вязанками навязжут, а сверху вазолу стелили* (Грах. р-н, с. Грахово, 1975 г.)¹) < *вазола* ‘грубая пеньковая или льняная ткань; дерюга’ (СРНГ4, 71).

Согласно материалам Словаря русских народных говоров, омонимичные наименования различных изделий из такой ткани используются и в других говорах. В отличие от производящих вещественных существительных приведенные семантические дериваты являются конкретными именами существительными и имеют форму множественного числа, например: *Укрывались всё вазолами* (Завьял. р-н, д. Забегалово, 1978 г.).

Б. Наименования совокупностей изделий (одежды) по названию ткани, из которой они сшиты: *портянина* ‘одежда из грубого домотканого холста’ (*Абсолютно ничего бумажного не было, всё портянина была* (Сюмс. р-н, д. Орлово, 1977 г.)) < *портянина* ‘грубый домотканый холст’ (СРНГ30, 99).

По данным Словаря русских народных говоров, аналогичное развитие семантики переживает и синоним *портно* (СРНГ30, 97). Подобные семантические дериваты являются собирательными существительными, чем отличаются от производящих – вещественных имен.

В. Наименования деревянных предметов по той части дерева, из которой они изготовлены: *кряж* ‘пчелиный улей’ (*Пчёл в кряжах держали* (Грах. р-н, д. Бондюга, 1975 г.)) < *кряж* ‘толстый короткий обрубок древесного ствола’ (МАС2, 142); *чурка* ‘пчелиный улей’ (*Чурка – улей, дерево, выдолбленное внутри, подвешенное к дереву* (Завьял. р-н, с. Гольяны, 1978 г.)) < *чурка* ‘короткий обрубок, кусок дерева или металла’ (МАС4, 694).

В отдельных говорах Удмуртии словами *кряж* или *чурка* обозначают не только улей, сделанный из соответствующей части дерева, но и «обычный современный» улей, а улей, выдолбленный из обрубка дерева, называют *колодный кряж*, *колодная чурка*, что свидетельствует об утрате словами *кряж* и *чурка* семантической связи с производящим.

Г. Наименования красящих веществ, изготовленных из древесной коры, по названию этого дерева: *берёза* ‘краска для холста из берёзовой коры’ < *берёза* ‘лиственное дерево с белой корой’ (МАС1, 80); *ивка* ‘краска для холста из ивовой коры’ (*Когда краски не было, тожно корьё ивы, ольхи брали; ивка в жёлтый красит, берёза бурее* (Балез. р-н, д. Кирёнки, 1981 г.)) < *ивка* ‘кустарник или дерево с гибкими ветвями и узкими листьями’ (МАС1, 627).

В отличие от производящих конкретных существительных, семантически производные названия красящих веществ являются вещественными, что проявляется в отсутствии у них формы множественного числа.

¹ Материалом для исследования послужили записи диалектной речи, сделанные в селах и деревнях Удмуртии студентами и преподавателями филологического факультета Удмуртского государственного университета в ходе диалектологических экспедиций (см. (ДиалЭксп)).

Словообразовательный тип **материал** → **изделие** характерен и для литературного языка, однако из отмеченных в русских говорах Удмуртии групп производных слов, входящих в него, в литературном языке распространены только «А» и «Б». Следовательно, наименования деревянных предметов по той части дерева, из которой они изготовлены, и наименования красящих веществ, изготовленных из древесной коры, по названию этого дерева являются нехарактерными для литературного языка, что свидетельствует о своеобразии реализации данного словообразовательного типа в диалектном языке. Необходимо отметить также, что, судя по данным Словаря русских народных говоров, аналогичные семантические дериваты весьма распространены и в других говорах, что является свидетельством продуктивности данного словообразовательного типа в целом в диалектном языке.

2. Изделие → **материал**. В русских говорах Удмуртии зафиксированы семантические дериваты, появившиеся в результате такого развития семантики производящего слова, которое можно охарактеризовать как обратное по отношению к представленному словообразовательным типом **материал** → **изделие** (от названия изделия, продукта в результате семантической деривации образуется наименование объекта, служащего сырьем для того, что названо производящим словом): *виники* 'растение, из которого делают веники' (**Виники**, *куст виников* – *зимнёй чеснок*; *сию виники, пол мету* (Карак. р-н, д. Кулюшево, 1986 г.)) < *веник* 'связка прутьев или веток с листьями для подметания полов, для парения в бане' (МАС1, 149). Омонимичные диалектные наименования различных растений в других говорах приведены в Словаре русских народных говоров (СРНГ4, 113).

3. Целое → **часть**. Семантическим дериватом именуется наиболее актуальная для диалектоносителей часть объекта, обозначаемого производящим: *печь* 'место за заслонкой, куда можно поставить чугунок при приготовлении пищи' (*И за заслонкой печь называем* (Грах. р-н, с. Новогорское, 1975 г.)) < *печь* 'каменное или металлическое сооружение для отопления помещений, приготовления горячей пищи' (МАС3, 119).

4. Часть → **целое**. Данный словообразовательный тип отражает обратное направление развития семантики по сравнению с предыдущим словообразовательным типом: *ботва* 'брюква (калега)' (*В огороде растут картошка, морковь, огурцы, ботва, или калега* (Карак. р-н, д. Клестово, 1976 г.)) < *ботва* 'стебель и листья корнеплодных растений' (МАС1, 110).

В данном случае акт семантического словопроизводства сопровождается акцентологическими изменениями, ударение становится средством различения производящего и производного в русских говорах Удмуртии. Сосуществование в русских говорах Удмуртии слов *ботва* и *ботва* – явление последнего времени, связанное, по-видимому, с влиянием литературного языка, в прошлом для обозначения стеблей и листьев корнеплодных растений в местных говорах использовались другие наименования: *лычь*, *картовник*.

5. Явление → **источник, средство, обеспечивающее его появление**. Данный словообразовательный тип присущ исключительно диалектной семантической деривации и основан на представлениях диалектоносителей о некоторых явлениях последнего времени и их причинно-следственных связях: *свет*

'электричество' (*В 48-м году, после посевной, послали нас в Чельчу работать, Кырыкмас прудить, хотели, видно, свет делать* (Кияс. р-н, пос. Первомайский, 2005 г.)) < свет 'освещение'.

6. Источник → **явление, обусловленное тем, что названо производящим словом.** Данный словообразовательный тип, отражая семантические преобразования, обратные тем, которые лежат в основе предыдущего типа, обусловлен теми же причинами: *атом* 'атомная бомба' (*Атом, атом... Нам-то ладно, а молодым пожить надо* (Карак. р-н, д. Боярка, 1986 г.)) < *атом* 'наименьшая частица химического элемента, которая является носителем его химических свойств' (МАС1, 50).

Т.С. Коготкова объясняет закрепление в говорах данной номинации и подобных воздействием комплекса однокоренных слов, устным характером их воспроизведения, отсутствием у диалектоносителей позитивных знаний о денотате, а также условиями эллиптического свертывания, в которых существует диалектное слово [5, с. 184–185].

7. Объект → **место.** Данный словообразовательный тип используется в говорах для номинации земельных участков по объекту сельскохозяйственного назначения, находящемуся на этом участке, или по основанию для владения земельным наделом: *душа* 'участок земли на одного человека' (*Если два сына в доме, делятся: душу одну отдают тебе* (Можг. р-н, с. Вишур, 1984 г.)) < *душа* 'человек податного состояния' (Даль, 504). От семантического деривата в говорах морфемным способом по общезыковой модели образуется наименование полумеры земли: *Полосы были для покосов: у кого душа, у кого полдуши* (Игр. р-н, д. Новые Зятцы, 1975 г.).

8. Предмет → **предмет, соположенный в пространстве с тем, что названо производящей основой.** Основанием для появления нового слова становится постоянная пространственная смежность денотатов производящего и производного слов, они являются частями единого целого, один из них может ограничивать другой либо является его вместилищем: *запуха* 'тряпка, которой затыкали отверстие в черной бане' (*Запуха-то – окошко, которо затыкаем, навроде трубы, куда дым идёт; глят, запуху возьми – там тряпки ли цё ли – и запхай; тожно, запуху заткни запухой* (Балез. р-н, д. Андреевцы, 1981 г.)) < *запуха* 'отверстие в чёрной бане для выхода дыма' (СРНГ10, 370).

Приведенный пример демонстрирует, как возникшие в результате семантической деривации омонимы функционируют в говорах, и свидетельствует о том, что отношения омонимии осознаются диалектоносителями и не препятствуют употреблению семантических дериватов в речи.

9. Признак → **объект, характеризующийся данным признаком.** В качестве производящих для данного словообразовательного типа выступают отвлеченные имена существительные со значением признака, свойства. От них образуются имена существительные иных лексико-грамматических разрядов, называющие то, что обнаруживает данный признак, свойство: *страмота* 'нечто, вызывающее неприятные эмоции, отвращение' (*Траву ели, огнёвку, суп варили, страмоту глотали* (Карак. р-н, д. Боярка, 1986 г.)) < *страмота* 'стыд, срам' (Срезн., 476).

10. Фигура определенной формы → **неодушевленный предмет в форме того, что названо производящим словом.** Данный словообразовательный

тип, основанный на непосредственной внешней связи предметов, является достаточно распространенным в русском языке: *кружок* ‘круглый домотканый половик’ (*Сама ткала половики, так они уж пропадают, вон баушка мне один кружок связала* (Можг. р-н, с. Нынек, 1985 г.)) < *кружок* ‘уменьш. к круг: часть плоскости, ограниченная окружностью’ (МАС2, 136). По данным Словаря русских народных говоров, словом *кружок* в говорах, как и в литературном языке, традиционно называют предметы, имеющие соответствующую форму (СРНГ15, 313–314).

11. Предмет → совокупность того, что названо производящим словом.

Данный тип семантической деривации является продуктивным в литературном языке. Аналогично общеупотребительным номинациям в русских говорах Удмуртии образуются собирательные обозначения от собственно диалектных и литературных зоонимов (*В Каме водятся жерех, судак, налим, окуни... костеря, сабля, шекля...* (Карак. р-н, д. Юньга, 1976 г.)), миконимов (*Губы – волменка, рыжик – к зиме солили* (Кияс. р-н, д. Лутоха, 1974 г.)), фитонимов (*Илем – это дровяной лес, коряжник* (Грах. р-н, с. Грахово, 1975 г.)) и других наименований.

12. Неодушевленный предмет → лицо, атрибутом которого является данный предмет. В литературном языке данный словообразовательный тип реализуется, например, в распространенных наименованиях человека по предмету одежды. Наименования человека, представляющие данный словообразовательный тип в русских говорах Удмуртии, в отличие от литературных номинаций, имеют пейоративную окраску: *панява* ‘ленивая, неопрятная женщина’ (*Панява – растрёпа, лентяйка* (Кияс. р-н, с. Киясово, 1974 г.)) < *панява* ‘длинная и широкая не по росту одежда’ (СРНГ29, 280).

Семантические дериваты, образующие данный словообразовательный тип, в отличие от производящих, являются одушевленными существительными.

Непродуктивными (в силу экстралингвистических причин, например ограниченности круга денотатов) в русских говорах Удмуртии являются некоторые общеязыковые словообразовательные типы, отмеченные Ю.Д. Апресяном как модели регулярной многозначности (см. [6, с. 201–202]), например **Растение → материал**: *илем 2* ‘материал для колес, топорища и др.’ (*Илем-дерево в печь положат, запреют и загивают* (Вавож. р-н, д. Тыловыл-Пельга, 1977 г.)) < *илем* ‘дерево, похожее на вяз’. Семантический дериват, в отличие от производящего, является вещественным существительным *singularia tantum*.

Как показывает анализ семантически производных имен существительных, зафиксированных в русских говорах Удмуртии, лексико-семантическая разнообразность семантической деривации, основанная на ассоциации по смежности, является в целом продуктивной для образования слов этой части речи в говорах данного региона.

В основе метонимической деривации в сфере имен существительных в диалектном языке лежит как реальная, «вещная», смежность предметов, названных производящим и производным словами, так и абстрактная связь. К некоторым словообразовательным типам применимо замечание Д.Н. Шмелева о связи отдельных случаев метонимии с сокращением словосочетаний (**материал → изделие**) (см. [7, с. 65]).

Семантические связи, основанные на метонимии, являются столь устойчивыми и регулярными, что зачастую реализуются в парных словообразовательных типах, характеризующихся взаимообратным развитием семантики (типы 1 и 2, 3 и 4, 5 и 6). Слитость, обобщенность представлений о вещном мире, изначально присущие сознанию диалектоносителей, обуславливают появление у слова семантического деривата, значение которого является типичным в рамках данной лексико-семантической группы.

Несмотря на отмеченную обобщенность представлений, примеры употребления в одном контексте семантических дериватов и омонимичных им производящих, особенно если это слова с предметным значением, подтверждают, что диалектоносители осознают их как разные слова, четко соотнося с соответствующими денотатами, что противоречит традиционной подаче данных наименований в словарях диалектного языка как значений одного слова.

Стоит отметить, что круг ассоциаций по смежности, порождающих семантическую деривацию, в говорах является несколько иным по сравнению с литературным языком, что выражается, с одной стороны, в отсутствии или малой продуктивности типов, распространенных в литературном языке, а с другой стороны, в наличии типов, нехарактерных для литературного языка.

Для многих типов семантической деривации, зафиксированных в русских говорах Удмуртии, характерны различия производного и производящего слов по отнесенности к тому или иному лексико-грамматическому разряду или классу одушевленных/неодушевленных имен и связанные с этим различия числовой парадигмы и падежных форм. Отдельные семантические дериваты обнаруживают акцентологические изменения, а также колебания по категории рода, что способствует преодолению омонимии производящего и производного слов. Важным признаком семантически производных наименований является и включение их в иную лексико-семантическую группу, в новый синонимический ряд.

Семантические дериваты, образованные в русских говорах Удмуртии на основе ассоциации по смежности, в большинстве случаев не отличаются от производящих слов какой-либо специфической стилистической окрашенностью или образностью. Данные наименования появляются и функционируют в повседневной речи диалектоносителей, обозначая предметы быта и будничные явления. Эта тенденция подтверждает вывод о том, что метонимия как вид семантической деривации – распространенное и естественное явление языка, закономерно проявляющееся в речи носителей говоров.

Summary

E.A. Zhdanova. Metonymy as a Kind of Noun Semantic Derivation in the Russian Dialects of Udmurtia.

The article regards the cases of substantive semantic word-building based on metonymy which are present in the Russian dialects of Udmurtia. Trends typical for the metonymy are revealed. The word-building types existing in the dialects are described. Specific features of semantic derivative functioning in the dialects are defined for the derivatives having originated as a result of contiguity associations.

Key words: semantic derivation, metonymy, noun, contiguity association, word-building type, dialect language.

Источники

- Даль – Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – СПб.: Диамант, 1996. – Т. 1. – 800 с.
- МАС1 – Словарь современного русского литературного языка: в 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: Рус. язык, 1985. – Т. 1. – 696 с.
- МАС2 – Словарь современного русского литературного языка: в 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: Рус. язык, 1985. – Т. 2. – 736 с.
- МАС3 – Словарь современного русского литературного языка: в 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: Рус. язык, 1985. – Т. 3. – 752 с.
- МАС4 – Словарь современного русского литературного языка: в 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: Рус. язык, 1985. – Т. 4. – 796 с.
- Срезн. – *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: в 3 т. – М., 1958. – Т. 3. – 1472 с.
- СРНГ4 – Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф.П. Филина. – Л.: Наука, 1969. – Вып. 4. – 357 с.
- СРНГ10 – Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф.П. Филина. – Л.: Наука, 1974. – Вып. 10. – 388 с.
- СРНГ15 – Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф.П. Филина. – Л.: Наука, 1979. – Вып. 15. – 400 с.
- СРНГ29 – Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф.П. Сороколетова. – СПб.: Наука, 1996. – Вып. 29. – 395 с.
- СРНГ30 – Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф.П. Сороколетова. – СПб.: Наука, 1996. – Вып. 30. – 385 с.
- ДиалЭксп – Материалы диалектологических экспедиций студентов, аспирантов и преподавателей Удмуртского государственного университета:
- Алнашский район (1997, 1998, 2000, 2001, 2007): с. Алнаши, Асановский совхоз-техникум, д. Дроздовка, д. Гарга, д. Колтымак;
  - Базинский район (1981): д. Андреевцы, д. Базаны, д. Карсовой, д. Кирёнки, пос. Кирзавода, д. Коньково, д. Марчёнки, д. Мослены, д. Перовка, д. Петровцы, д. Шарпа;
  - Вавожский район (1977): с. Вавож, д. Волипельга, д. Зядлуд, д. Колмогорова, д. Котья, д. Липинер, д. Слудка, д. Тыловыл-Пельга, д. Холодный Ключ;
  - Воткинский район (1974, 1982–1984, 1987, 2000): с. Банное, д. Гольянск, д. Двигатель, д. Забегаево, д. Захарово, с. Июльское, с. Камское, д. Кварса, д. Кварсинск, д. Молчаны, с. Ольхово, с. Перевозное, с. Светлое, с. Степаново, д. Талица, д. Терехиловка, д. Успенка, с. Фомино, д. Фотены, д. Хорохоры, д. Чёрное;
  - Граховский район (1975): д. Бондюга, д. Верхний Кокшан, с. Грахово, д. Кузбаево, д. Лебедевка, с. Новогорское;
  - Завьяловский район (1977–1979): с. Гольяны, д. Докша, д. Дуброво, д. Забегалово, с. Завьялово, д. Истомино, д. Колюшево, д. Макарово, д. Ярушки;
  - Игринский район (1975, 1999): пос. Малягурт, д. Новые Зятцы;
  - Каракулинский район (1976, 1979, 1986, 2001): с. Арзамасцево, д. Боярка, с. Вятское, д. Гремячево, д. Ендовка, с. Каракулино, д. Клестово, д. Котово, д. Марагино, д. Мельки, с. Первомайское, с. Покровское (Вятское), д. Ромашкино, д. Черново, д. Юньга;
  - Кезский район (1977–1979): д. Бузмаки, д. Ворошилово, д. Доронята, д. Дурманы, д. Зинковка, д. Карпушата, с. Кулига, д. Лёвино, д. Мазай, д. Миронята, д. Митенки, д. Петрушонки, д. Степаненки, д. Шляшор, д. Юкляга;
  - Кизнерский район (1984, 1985, 1989): с. Бемьж, с. Васильево, д. Городилово, д. Гыбдан, д. Ильинск, д. Новая Заря, д. Новотроицк, д. Полько, д. Русская Коса;

- Киясовский район (1974, 1985, 2005): д. Атабаево, д. Ермолаево, д. Игрово, д. Ильдибаево, с. Киясово, д. Лутоха, д. Малое Киясово, д. Медвежье, д. Мушак, пос. Первомайский, д. Сабанчино, д. Санниково, д. Сутягино, д. Чельча, д. Юрино;
- Красногорский район (1981–1982): д. Большие Чуваши, д. Большой Селег, д. Ботаниха, д. Бухма, д. Курья;
- Можгинский район (1984): с. Вишур, д. Ерошкино, с. Нынёк, д. Решетниково;
- Сарапульский район (1972–1973, 1979): д. Большие Пещеры, д. Борисово, д. Дулесово, д. Козлово, д. Костино, д. Макшаки, д. Мьльники, д. Паркачёво, д. Сигаево, д. Смолино, д. Юшково, д. Яромаска;
- Селгинский район (1988): д. Аксеновцы, с. Валамаз, д. Егоровцы, д. Малый Валамаз;
- Сюмсинский район (1977): д. Лекшур, д. Маркелово, д. Орлово, д. Юбери;
- Увинский район (1982, 1989): д. Кунгур, д. Сырдяны, с. Удугучин;
- Шарканский район (1985, 2001): д. Бородули, д. Зюзино, д. Кочни, с. Шаркан;
- Юкаменский район (1993, 1999, 2004, 2007): д. Деряги, с. Ёжево, с. Юкаменское;
- Якшур-Бодьинский район (1975): д. Гопгурт, д. Кузьминцы, д. Покровцы, д. Старые Зятцы.

Литература

1. *Розенталь Д.Э., Теленкова М.А.* Словарь-справочник лингвистических терминов. – М.: Просвещение, 1976. – 543 с.
2. *Кронгауз М.А.* Семантика. – М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2001. – 399 с.
3. *Балалыкина Э.А., Николаев Г.А.* Русское словообразование. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1985. – 284 с.
4. *Марков В.М.* О семантическом способе словообразования в русском языке. – Ижевск: Изд-во Удмурт. ун-та, 1981. – 29 с.
5. *Коготкова Т.С.* Русская диалектная лексикология. – М.: Наука, 1979. – 335 с.
6. *Апресян Ю.Д.* Лексическая семантика. Синонимические средства языка. – М.: Наука, 1974. – 368 с.
7. *Шмелев Д.Н.* Очерки по семасиологии русского языка. – М.: Просвещение, 1964. – 244 с.

Поступила в редакцию
08.05.08

Жданова Екатерина Анатольевна – старший преподаватель Ижевского государственного технического университета.

E-mail: zhdanova@udm.net, zhdanovaeva@gmail.com